

Антонио Мачадо (1875–1939, Испания)

Хуан де Майрена

(О христианской философии)

В божественной природе Иисуса Христа, должен сказать вам, я никогда не сомневался. Либо Христос был Словом Божьим, что чудом воплотился в непорочном чреве девы Марии и пришёл в мир ради искупления грехов человеческих, как гласит ортодоксальное толкование, трудное для понимания, но приносящее свои плоды; либо, наоборот, это человек сделался Богом, *стал* Богом, чтобы искупить на Кресте тягчайшие грехи самой божественной сущности, как гласит неортодоксальное, и притом не менее глубокое, толкование моего учителя. Как видите, ни одно из них не покушается на божественную природу Иисуса. И поразмыслить вам следует над обоими: или вы постараетесь примирить их, спасая при этом не столько божественную сущность, которая и через саму себя спасётся, сколько божественное происхождение Распятия; или, если не выйдет, вы наберётесь достаточно мужества и одно из них отбросите, а в другом – узрите христианство во всей его чистоте.

Для меня очевидно, продолжал Майрена, обращаясь к ученикам, что Христос, помимо всего прочего, принёс в этот мир новую мысль, но мы над ней пока ещё недостаточно размышляли. А потому я верю, что грядёт иная христианская философия, не имеющая ничего общего со всеми этими католическими изысканиями – ведь они, скажем прямо, так или иначе представляют церковь, и сегодня, как и раньше, стремятся похоронить Христа в Аристотеле. Только стремятся – сказал я, но не хоронят, потому что Христос, как полагал мой учитель, не позволяет им этого сделать. Мы же, зная глубокую неоднородность древнегреческой мысли, в Стагирите достигшей своей полноты, отбросим Аристотеля и проникнемся прозрениями, или если хотите, откровениями Христа. Потому что именно в этом и есть для нас основа философской критики, и к этому вопросу нам можно больше не возвращаться.

Другим же великим врагом Христа, а, следовательно, и христианской философии для нас станет Библия, этот кладёзь еврейской мудрости. Чтобы увидеть сущность христианства в его чистоте и самобытности, даже

Евангелия мы будем считать источником заблуждений, если предварительно не освободим их от всей той разнообразной шелухи, что в них содержится.

Впрочем, ни историческое исследование с одной стороны, ни толкование догматических текстов с другой не принесут нам особой пользы.

Мы прежде всего будем отталкиваться от изучения того, что есть подлинно христианского в душе народа, я имею в виду, в преисполненном христианством сознании человека. Потому что христианство стало одним из важнейших опытов человечества, и опытом таким полным и глубоким, что благодаря ему *политическое животное* Аристотеля превратилось в *существо христианское*, которое и можно, по сути, отождествить с западным человеком.